

ОВЕН В ПУТИ

Дмитрий Пушкарёв

Р о м а н

ХРИСТОФОР

Издательский Дом

Пушкарёв Д.

Овен в пути — СПб.: МРО ХВЕ «Христианская Миссия», 2018. — 304 с.

Версаль, Франция, 1939 год. Последняя публичная казнь на гильотине. Нарастающий рев толпы, жаждущей хлеба и зрелищ. Эжену Вейдману суждено испить чашу до дна.

Основанный на реальных событиях роман вместил в себя исчерпывающую любовь и страдания, захватывающий путь и путешествия на разных континентах нашей необъятной земли. И кому, как не серийному убийце, знать, к чему приводят жизнь и смерть, правда и ложь, серость и цельный колорит одинокого сердца? Погружаясь в реальную атмосферу действительности и прошлого, вы имеете возможность шагнуть за грань доступного и неожиданно открыть для себя истинное положение вещей.

Зачастую все меняется в одночасье... и на тьму опускается свет.

ISBN 978-5-8445-0334-4

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2018.
Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Глава 1

Прямая и симметричная планировка версальских улиц встретила очередной летний вечер 16 июня. Погода была теплой, воздух наполнен женским щебетанием в летних кафе. Подул легкий ветерок, и из-за угла старинного дома показался кюре. Он размеренно шагал по тротуару, погружившись в свои мысли. На лбу собрались морщинки, он то улыбался, то снова принимал отрешенный вид. Перебирая деревянные четки под красное дерево, кюре приветливо кивал знакомым и прохожим.

— Здравствуйте, святой отец, — поравнялся с ним упитанный мужичонка с блестящей зальсиной. — Подумать только, всего каких-то три лье отделяет нас от столицы, а столько народу!

Широким жестом мужичонка обвел пределы кафе и растилающейся впереди площади. И впрямь, оставив прежние мысли, кюре заметил особенное оживление. В кафе гнездились масса народу, площадь постепенно заполнялась разношерстной публикой.

— Говорят, завтра казнь, — продолжил как ни в чем не бывало собеседник.

При этих словах кюре поправил воротничок с жесткой белой вставкой и как-то особенно тяжело сглотнул. Лысеющий мужичонка подумал, что священнослужителю должно быть жарко. Еще бы, ходить в такой вечер в черной сутане! Немного помолчав, он добавил:

— Поделом этой собаке!

Кюре остановился и внимательно посмотрел на едва знакомого ему человека. По телу последнего побежали мурашки.

— Не нам судить того, кто уже и так осужден, — слышался его мягкий баритон.

Кюре на мгновение перестал перебирать четки. Казалось, он смотрел в одно и то же время на человека «из мира», в самую его глубь и сквозь него. Но разобрать мысли священника в эту минуту не смог бы даже и самый искушенный психолог.

Понимая, что в чем-то он не прав, но еще не до конца понимая, в чем именно, мужичонка переступил с ноги на ногу, не осмеливаясь взглянуть обличителю в глаза, и, промямлив что-то вроде «как знать, как знать», поспешил удалиться. Кюре лишь с участием посмотрел ему вслед и снова зашагал, перебирая четки.

Он шел дальше, безмолвно шевеля губами «Отче наш» и про себя подмечая, как сгущается толпа на площади. Вот женщина с сумочкой и в соломенной шляпке спешит за остальными. На ее смазливом личике возникает притворное недовольство, когда ее с гулом опережает свора дворовых ребятишек. Чуть дальше расположилась бригада рабочих: выбрав местечко позатертее, они опрокидывают дешевое вино с довольно серьезным выражением на лицах.

Но кюре особо не волновал этот заблудший мир с его греховными реками лжи, тирании и сумасбродства. Он уже давно привык с любовью и сочувствием смотреть на весь этот разбойничий вертеп. До возраста Спасителя ему еще целых два года, но он уже успел пообщаться и отпустить грехи многим нарушителям заповедей Божьих, кроме одного — убийцы. И только сегодня ему наконец представится возможность пополнить этот список и завершить первый его круг.

Отпущение грехов... Еще в духовной семинарии он много рассуждал на эту тему, глядя в окно и наблюдая, как пчелы послушно перелетают с цветка на цветок, опыляя каждый и не оставляя без внимания ни один из зеленых стебельков.

Он с удовольствием подмечал, что все в этой жизни последовательно и закономерно. Пчелы дают мед, священник — отпущение грехов. Пять «Отче наш», десять раз «50-й псалом», и «Иди с Богом, сын мой». Вот и все дела.

Получив неизгладимую печать священства, кюре рассуждал оптимистично. Ему пророчили сан епископа, и на свой обет безбрачия он смотрел как на некую избранность и причастность к таинствам Божьим, коих в его познаниях накопилось целых пять. Словом, приходская церковь в Версале, проповеди и остальная духовная жизнь вполне его устраивали, радовали и вносили природную последовательность, кроме одной темы, что с годами все больше тревожила его и крутилась вокруг молодого священника, словно назойливая муха.

Каждый вечер перед сном кюре задавал себе один и тот же вопрос. Мог ли он отпускать людские грехи, и если мог, то кто тогда наградил его подобными полномочиями? Кто дал такие привилегии, кто уполномочил? Человек?

В замкнутом лабиринте без входа не было и выхода. Где нет выхода изначально, только вход может послужить таковым. Но что сказал на это Бог, и кто, кроме Иисуса, способен понести все людские грехи на себе? Да, размышлял кюре, огибая версальскую площадь, священники — лишь те пчелы в саду, что опыляют людские сердца. Но крылья их созданы Господом, и только Он способен принять, простить и быть милосердным. Человек — всего лишь инструмент в Его руках, а не сгусток всепоглощающей гордыни, к которой так охотно клонится весомая часть нашей земли.

Тем временем площадь, кафе и волнующий закат остались где-то позади, и только слабые отголоски полупьяных раздумывавшихся горожан эхом доносились с соседней улицы. Посмотрев по сторонам и приподняв полу сутаны, кюре перешел улицу под зорким надзором рыжей дворняги с высунутым языком и склонившейся набок мордой. Ока-

завшись перед массивными дверьми, он с усилием постучал несколько раз. Тишина. Кюре приложил ухо к двери, и только спустя пару минут изнутри послышались уверенные шаги. Дверь, скрипнув, распахнулась, и на пороге показался внушительных габаритов тюремный надзиратель.

— А вот и сам Бенедикт к нам пожаловал, — звякнув связкой ключей на поясе, пробасил он. — Какими судьбами, святой отец?

По всему было видно, что тюремщик особо не верил ни в Бога, ни в черта, а только бы пузо до отвала да арестанты по камерам.

— Тут дело такое, — начал кюре, немного теряясь под нависшим, словно мокрая ива, надзирателем. — Еще днем нашу церковь посетил младший надзиратель, он...

— Знаю, знаю! — перебил отмахнувшись тюремщик. — Я посылал.

Образовалась неловкая пауза. На улице было тихо и безлюдно. Дворняга, поджав хвост и цокая когтями по тротуару, поспешила к центру города в надежде получить лакомые объедки. Надзиратель сдвинул густые брови:

— Что ж, заходи, коль звал.

Кюре даже как-то обрадовался этой своевременной развязке и засеменил во внутренний двор тюрьмы следом за надзирателем. Входная дверь захлопнулась за ними, и сразу же повеяло каким-то пронизывающим холодом. Каменные стены, высокие своды и отполированные полы молчаливо твердили о величии и давно установившемся порядке — здесь было еще тише, чем на улице, за исключением раздававшегося эха шагов. Старшего надзирателя звали Луис. Пройдя молча несколько шагов и предоставляя кюре самому насладиться здешней гармонией, он начал без предисловий:

— На днях к нам поступили два прескверных субъекта. — Надзиратель говорил тоном булочника, в пекарню которого доставили некачественную муку. — Один из них еще куда

ни шло. Счастливчик — сегодня наш милостивый Лебрен заменил ему смертный приговор на пожизненное заключение, но вот второй — суций бес! — Тюремщик сделал ударение на последнем слове и отворил железную калитку, ведущую в следующее помещение, не менее мрачное, чем первое. Кюре едва поспевал за широким шагом Луиса. На его лбу выступили капельки пота. — Ему повезло меньше. Суд отклонил ходатайство о его помиловании, и уже завтра кое-кого будет ждать острый нож Гильотена.

Надзиратель замолчал, наслаждаясь эффектом, который произвел на священника. Вообще Луис находил невыразимое удовольствие пугать других, временами бить, слышать их стоны и видеть, как те страдают. Ежедневно он издевался над заключенными и с каждым разом все изощреннее. Старший надзиратель знал все слабые места осужденных (в основном психологические) и вершил свой суд, на котором не было места адвокатам и судьям, а были только осужденные и те, кто приводил наказание в действие. Но самое главное было то, что надзирателю эти экзекуции с каждым днем нравились все больше, — его пьянили собственные действия, словно убийцу запах крови новой жертвы. Только вот разница была в том, что его в отличие от убийцы не искали жандармы и не ждала скамья подсудимых. Здесь он судья и вершит правый суд.

— Как его имя? — спросил кюре и чихнул в кулачок.

Собственные слова показались ему ничтожными и никому не нужными — даже эхо не сочло нужным должным образом растворить их в немой пустоте. Надзиратель нахмурился.

— Эжен Вейдман. — Он как-то по-особенному вывел эти слова. — По его душу я тебя, собственно, и позвал. Правила требуют, чтобы пресвитер церкви спровадил смертника на тот свет. Помолился, грехи там всякие отпустил, крест поцеловал... Что еще там у вас делают?

Кюре лишь молча кивал на его слова, и тот решил продолжить. Настроение надзирателя было приподнятое — еще бы, не каждый день отрубают головы! Он находил уже сам процесс неким таинством, к которому в этот раз и сам стал причастен.

— Давно пора. Лично я бы ему давно голову отсек. — Луис провел пальцем поперек шеи. — Шесть убийств, один раненый. А виной всему деньги! Корысть движет каждым человеком... только в разной мере. Вот вам и готовый пример состряпан: одному 20 месяцев тюрьмы, другому — пожизненное, а с третьим скоро ты и сам поводишься.

После этих слов кюре передернуло. Хотя он и старался не подавать виду, внутри него все сопротивлялось и стремилось наружу. Он совсем не хотел оказаться в камере лицом к лицу с опасным убийцей, способным на все что угодно. А может, уйти? Пока не поздно отказаться и бросить эту затею? Все равно этому Эжену уже никто не сможет помочь... Но ноги несли сопротивляющееся тело все дальше, с каждой секундой приближая к неизбежной встрече. Мог ли кюре помешать сложившемуся течению обстоятельств? Хотел ли? В его светлой голове сейчас бурлил фонтан, из которого лишь частично он улавливал некоторые мысли. Жизнь на земле боролась сейчас с божественным началом, отвергая все за и против. Человек всегда способен сказать себе «нет» и развернуться в противоположном направлении. Если он этого не делает, значит, камень преткновения — тот аспект, который подталкивает его в исходном направлении, — все-таки имеется, и у кюре он был, смертный грех, с которым он был просто обязан столкнуться лично.

Впереди показалась увитая железным плющом лестница. Она вела куда-то вниз. Плохое освещение, затхлый воздух, крыса, прошмыгнувшая вдоль нижней ступеньки. Показался узкий коридор, по обе стороны которого застыли желез-

ные дверцы с небольшими отверстиями в решетку. По ту сторону коридора еле слышно кто-то завывал.

— Не обращай внимания, — как ни в чем не бывало предостерег надзиратель. — Это Людвиг. В детстве он любил петь, а сейчас у него потекла крыша.

Кюре изобразил понимание и ускорил бег четок в изрядно вспотевших ладонях. Луис же смело двинулся по коридору, отечески посматривая в окошки камер. Всем своим видом он показывал немое участие. Перед одной из дверей он остановился, пошарил на уровне пояса в поиске ключей и сурово добавил:

— Прибыли. Теперь твоя очередь взывать к Богу. — С этими словами надзиратель сунул ключ в дверной замок и с нажимом стал отпирать камеру.

Сердце забилося в груди кюре, словно у загнанного животного. Он прикрыл глаза, слыша каждый оборот в дверном замке, тяжело вздохнул и, когда на него дохнуло смрадом, который его чутким ноздрям еще не доводилось ощущать, сделал шаг навстречу судьбе.

Глава 2

Скрип камня о влажную стену. Сгорбленная фигура человека на полу.

— Эж...жжжженн! — Человек выводил букву за буквой. У него никак не получалось ровно вывести букву «ж», и потому она получалась чрезмерно большой и несуразной. — Так-то лучше.

Наконец он завершил начатое, отстранился назад и, откинув со лба слипшиеся волосы, с претензией художника стал изучать проделанную работу. Первая и третья буквы получились что надо, а вот первая и последняя несуразно плясали на общем фоне. Сжав покрепче камушек, он с остервенением швырнул его о стену. В лохмотьях, весь грязный и небритый, он был похож на дервиша, что сидит у ворот рынка и просит милостыню. Ему вдруг стало не по себе, прежнее терпение куда-то улетучилось, и захотелось кричать. Он оглянулся: скудный вечерний свет из маленькой щели под самым потолком слабо освещал мертвую кожуру шершавых стен, охапку соломы в углу да вонючий закуток — мрачное подобие туалета.

В камере ужасно пахло, но Эжен (так звали человека в камере) уже давно свыкся со здешними ароматами и не обращал на них ни малейшего внимания. Более того, когда свет из щели достигал и его, он с удовольствием подставлял лицо солнцу, чихал и улыбался полубеззубым ртом. В четырех стенах были свои маленькие радости, хотя сами стены давили, создавая иллюзию уменьшения пространства, и высасывали по капле энергию и здоровье.

Кормили в тюрьме одним хлебом и водой, но и тут Эжен сподобился извлечь небольшую радость. В особенно жаркие и солнечные дни он находил в своем «матраце» соломинку, совал ее в стакан и, наблюдая за маленькой струйкой воды, стекающей по одной из стен, не спеша наслаждался живительной влагой. В такие моменты он забывал о своем месте пребывания, уносясь в воображении на тихходный лайнер, что мчит его на континент.

До последнего дня он верил в свою счастливую звезду — ему обязательно отменят смертный приговор, и он будет до окончания дней прозябать в тюрьме в окружении крыс. Но когда президент Франции отклонил его ходатайство, Эжен особо не расстроился и воспринял эту новость как должную — он давно привык жить в мире иллюзий, в котором будущее представлялось в исключительно теплых тонах. Осознавая, что каждый человек не вечен и что когда-нибудь придет и его черед, Эжен почему-то всегда думал, что смерть обойдет его стороной. Он будет жить вечно и безнаказанно. Ему казалось, что только один он избран, а все остальные на земле смертны.

Ход его мыслей прервали шаги, раздавшиеся в коридоре, — первые были уверенные и волевые, за ними следовали настороженные. Эжен перевел взгляд на замочную скважину и стал дожидаться. «Неужели пора? Но ведь еще только вечер! Впереди целая ночь!» Оставшееся время казалось ему бесконечно долгим.

Вот шаги смолкли, железный кончик ключа показался в замочной скважине, два щелчка, и дверь податливо отворилась. На пороге появился знакомый тюремщик с нахальным выражением лица и жаждущей крови парой глаз, за ним нечто новое — черное облачение, перстень на пальце, четки, на лице сочувствие и легкий испуг. «Да это же священник! Точно, святой отец! Но на кой черт он мне? Хотите, чтобы я испытал чувство вины?! Ну уж нет!»

С этими мыслями Эжен вскочил как ужаленный и с накопившимся остервенением набросился на надзирателя. Понесся хлесткий удар, который пришелся Эжену прямо между глаз. Ноги подкосились, и он рухнул замертво.

Кюре вскрикнул, а надзиратель стремительно склонился над обмякшим телом и стал методично наносить удар за ударом.

— Вот тебе, скотина! Падаль! Я быстро отобью у тебя эту прыть!

Действо продолжалось с минуту. Кюре безуспешно пытался остановить тюремщика, вертясь вокруг. И только когда Луис вконец устал, лицо Эжена было похоже на хорошую отбивную. С трудом можно было определить, жив ли он или уже выдохся.

Обтерев кровавые руки об арестантские лохмотья, надзиратель встал и покосился на кюре. Тот по-прежнему пребывал в состоянии шока и оцепенения. Его левый глаз подергивался, губы щелбтали привычную молитву.

— Хорош преступник, — усмехнулся Луис. — Даже удар держать не умеет!

— Но ведь так нельзя, — указав на пол, заступился кюре. Его воспаленный мозг собирал по осколкам увиденную сцену.

— Здесь мне решать, что можно, — нахмурился надзиратель и повернулся к выходу. — Твое же дело над душой корпеть. Вот и оставайся. — Он плюнул в сторону Эжена и снова усмехнулся. Прделанная работа явно удовлетворила его. — Бояться теперь нечего. Объект обезврежен.

Кюре молча стоял и смотрел на надзирателя. Ему было в тягость наблюдать за этим черствым получеловеком. Одно дело грешники, которых он ежедневно привык наблюдать под сводами церкви. Какими бы павшими они ни были, их тянуло в церковь исповедоваться в грехах, исправляться и становиться ближе к Христу. Но совсем другим был человек перед ним. Он рвал и метал без сожаления и веры,

не стремился быть или хотя бы казаться лучше. Живя в своем собственном замке, он был тираном, заблудшей овцой, чьи действия еще хоть как-то ограничены законом. Кюре сравнивал тюремщиков и тех, кого они охраняют, и, к своему удивлению, находил, что первые ничуть не лучше последних, а возможно, и хуже. Нет, они не совершали убийств и не преступали закон, но их души являли собой гниль и мрак человеческих останков.

Прочитав в глазах священника нечто похожее на упрек, надзиратель вдруг почувствовал себя как-то неловко и поспешил обрубить концы подобного чувства.

— Ну, я пойду, а ты оставайся, — по-хозяйски оглядев камеру, сказал Луис. — Вдруг еще придет в себя, — помолчав добавил он. — Так что, если чего, я буду за дверью.

Кюре промолчал. Потоптавшись еще с минуту, тюремщик покинул камеру. Дверь захлопнулась, ключ щелкнул на один оборот, и священник остался один на один с самой смертью.

Перспектива оказаться в камере для смертников особо не радовала кюре, и, спохватившись, он подбежал к двери и уже хотел было барабанить по ней, как что-то остановило его. Какая-то неведомая сила, шедшая извне, не давала поднять руку и ударить в дверь. Кюре стушевался. Он стоял неподвижно и робел перед этой силой, не в состоянии ей противостоять. Ему вдруг вспомнилось, как апостол Петр покидал Рим во время страшного гонения на христиан и на Аппиевой площади встретил самого Иисуса, когда Тот шел в город. Петр спросил учителя:

— Куда идешь, Господи?

— Раз ты оставляешь народ Мой, Я иду в Рим, на новое распятие, — донесся до ушей Петра грустный и ласковый голос.

Кюре застыл в нерешительности. Неведомая сила внутри разрасталась и все отчетливее овладевала им. Ему стало стыдно за свое трусливое бегство. Руки опустились, и по ще-

кам потекли слезы. Он повернулся: заходящее солнце осветило страдальческое лицо на полу. Кровь на лице запеклась, смешалась с грязью, и только под бровью едва виднелась алая струйка. Точно загипнотизированный, священник подошел ближе и присел. Он намочил слюной кончик сутаны и стал протирать лицо пострадавшего. Тот лежал без сознания в непривычной позе и тяжело дышал. Грудь вздымалась под жалкими лохмотьями. Точно рисуя картину возлюбленной и боясь сделать лишний мазок, кюре постепенно оттер кровь и, к своему удивлению, обнаружил лицо ребенка, который много выстрадал за свою недолгую подзаборную жизнь. В нем не было корысти и зла, наглости и злорадства. Кюре на миг даже показалось, что по какому-то дурацкому стечению обстоятельств за решетку попал совсем не тот человек, — до того это необычное лицо обезоруживало и подкупало.

Поддавшись новому чувству, кюре заботливо перетащил арестанта на солому, а сам устроился неподалеку и извлек из-за пояса небольшую черную в золотом обрамлении Библию. Между страниц было воткнуто несколько закладок. Открыв книгу на одной из страниц, кюре принялся вкрадчиво читать одно из своих излюбленных мест.

«И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе»*.

Грязная рука потянула кюре за рукав. Священник испугался, вскочил и выронил Библию из рук.

— Какого хрена тебе здесь надо? — невозможная боль, спросил Эжен.

Он пришел в себя с минуту назад и все это время лежал неподвижно, пытаясь понять, на каком свете находится. Бог,

* Быт. 22:1, 2.

Авраам... Неужели он уже там? А как же гильотина? Он почему-то совсем ее не припомнит... Тело ныло, голова раскалывалась от боли. А это рядом кто, ангел? Совсем не похож...

Кюре прижался к стене и переводил тревожный взгляд с Эжена на Библию и обратно, в то время как арестант безуспешно пытался встать на ноги. Священник хотел было помочь, но, взглянув в озлобленное лицо (оно полностью противоречило прежнему), решил отказаться от благих намерений. Между тем Эжена вновь сковала невыносимая боль, одной рукой он схватился за живот, другой о стену. Ноги подкосились, и он замертво рухнул на пол. Тонкий слой соломы хоть как-то смягчил падение.

На шум прибежал надзиратель. Грозно взглянув в отверстие в двери, он молниеносно оценил обстановку и только спросил жавшегося к углу кюре:

— Помощь нужна?

На что священник отрицательно помотал головой.

— На нет и суда нет, — едко усмехнулся Луис. — Ты знаешь, где меня найти. — И более не мешкая задвинул затвор.

Послышались удаляющиеся шаги. Кюре перевел взгляд с двери на Эжена — тот уткнулся лицом в солому, распластав руку на стене. Опасность миновала, и священник осмелился подобрать с пыльного пола Библию. Затем он подкрался к Эжену и проверил пульс, который показался ему слабым и неровным.

Из маленького окошечка, что повисло под самой крышей камеры, доносились крики толпы. С приближением ночи они становились все отчетливее и громче. Люди жаждали хлеба и зрелищ... и еще человеческой крови.